

Рецензируемое учебное пособие Д.М. Володихина «Теоретические основы исторического источниковедения» издано в значительной степени как материал, пригодный не только для обучения студентов, но и для возобновления дискуссий, ранее вспыхивавших в исторической науке вокруг вопросов о характере и роли источниковедения. Мы публикуем материалы дискуссии в виде двух полемических отзывов на книгу Д.М. Володихина.

УДК 930.22 + 930.23

Г.Н. Ланской
G.N. Lansko

**НОВОЕ УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОБЛАСТИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
THE NEW EDUCATIVE EDITION
IN SPHERE OF SOURCE STUDIES**

Володихин Д.М. Теоретические основы исторического источниковедения: Учебное пособие. М.: «Снежный Ком», 2025. 112 с.

Систематизация и обобщение представлений в области теории представляют собой естественную потребность для развития любой области знаний. При этом механизм исследовательской деятельности зависит от ее специфики. Применительно к источниковедению исходные обстоятельства развития, возникшие, например, в России в первой половине XVIII в., были связаны со стремлением В.Н. Татищева, А.Л. Шлёцера и некоторых других специалистов выявить из числа целенаправленно собиравшихся ими манускриптов документальную базу для авторского изложения канвы исторических событий. Данная практика по мере ее реализации подводила исследователей к формированию методического опыта, который еще со времен картезианства как в метафизической, так и в рационалистической интерпретации идентифицировался в качестве критического. Знания, с одной стороны, о методе, а затем, в расширявшихся инструментальных масштабах, о методах работы с источниками и, с другой стороны, об открывающейся историку совокупности информационных ресурсов подводили к теоретическим наблюдениям. Следовательно, развитие источниковедения шло от практики к методике и далее от методики к теории.

Теория вполне естественно подпитывалась методологией, в рамках которой на рубеже XIX—XX вв. вполне четко определились два направления — позитивистское и феноменологическое. Первое из них было более удобным в применении. Особенно отчетливо это проявилось в России, где до конца 1980-х — 1990-х гг. история, а также подкреплявшие ее развитие в научных рамках специальные исторические

дисциплины (например, источниковедение) имели предметом своего когнитивного развития социальные процессы, механизмы образования и смены формаций, значимые для ретроспективы происходивших событий группы общества и, наконец, человека как просоциально или, напротив, антисоциально действующего субъекта. Феноменологическое направление с его концентрацией на практическом и особенно духовном существовании конкретных людей как феноменов было для этой парадигмы чужеродным. Интерес к нему с опорой на произведения экзистенциалистов, теоретико-методологические гипотезы А.С. Лаппо-Данилевского, учение о менталитете представителей школы «Анналов» возник в отечественной историографии в 1990-е гг.: последняя стала концентрироваться на выявлении точного гуманитарного знания о когнитивных процессах в мировоззрении и, в широком смысле, в психике человека.

Позитивистское направление приобрело не антропоцентричный, а информационный вектор развития. В первой главе учебного пособия Д.М. Володихина «Теория источниковедения» данная вполне обоснованная и многократно подтвержденная практическим образом ориентация прослеживается вполне четко. В доступной для восприятия обучающимися форме (следует подчеркнуть, что адаптивность поведения является одним из главных положительных свойств рецензируемого дидактического произведения) автор представляет вполне стройную систему знаний.

Во-первых, он руководствуется не вызывающим существенных возражений определением источника, которое было сформулировано, в частности, С.О. Шмидтом. В качестве главного признака, идентифицирующего этот объект среди иных познаваемых элементов действительности, обозначается информация. Во-вторых, Д.М. Володихин принимает за основу ту типологическую классификацию, которая после многих дискуссий (в которых участвовали С.О. Шмидт, Л.Н. Пушкарев, некоторые другие известные авторы) была сформулирована И.Д. Ковальченко. Помимо использования в ней универсально и последовательно применяемого признака, что всегда можно признать достоинством, она является наиболее простой в применении, поскольку самодостаточность письменных, вещественных, изобразительных и звуковых источников в когнитивном поле историка не может вызывать сомнений.

В-третьих, автор учебного пособия предлагает вполне четкую трактовку ключевого для любого используемого историками текста понятия достоверности. Она основана на дихотомии нарративного и оценочного подходов к изложению исторических фактов и на исходном осознании того, что причиной использования данного экспертно-аналитического критерия является субъективность практически любого

целенаправленно созданного человеком свидетельства как о собственном прошлом, так и о минувших обстоятельствах жизни других людей. В-четвертых, Д.М. Володихин, используя, в частности, понятие «памятник», предлагает вполне четкую для восприятия студентами дифференциацию историографических и документальных исторических источников. Наконец, в завершающей части этой главы, по своему содержанию находящейся в теоретико-методологическом тренде научно-педагогической школы МГУ им. М.В. Ломоносова, автор дает скептическую оценку попыткам модернизировать источниковедение, которые активно предпринимались в РГГУ в 1990-х — 2000-х гг. для позиционирования новой универсальной образовательной модели, которая, как утверждали ее идеологи, была гуманитарно ориентированной.

Изложив не вызывающий существенных возражений и не обладающий при этом какими-либо значимыми инновационными элементами материал, Д.М. Володихин переходит к рассмотрению других тем, которые, на наш взгляд, выходят за рамки заявленной тематики учебного пособия. При этом данная констатация является только наблюдением без какой-либо позитивной или негативной оценки, поскольку стремление развить повествование от изложения основ является вполне закономерным и, наверное, призвано гарантировать восприятие данного дидактического текста как новаторского по форме и содержанию. Однако для обеспечения еще более четкого и не многозначного понимания данного подхода, вероятно, стоило написать о том, почему в учебном пособии выбран предметно-тематический ракурс, включающий в себя, с одной стороны, видовую группу записок иностранцев о России и, с другой стороны, достаточно эклектичную по методике научного освоения проблему персонализации восприятия прошлого в исторических источниках. Конечно, дидактическое «закольцовывание» повествования помещенными в приложениях эссе под названиями «Для кого пишет историк?» и «Искусство компромисса. Ремесло историка в сумерках высокой культуры», по всей видимости, призвано провести логическую линию между изложением базового теоретического материала и примерами личной творческой деятельности автора в сфере решения конкретных исследовательских задач, но данный подход представляется весьма дискуссионным.

Описание во второй главе вопросов работы с источниками иностранного происхождения по истории России применительно к периоду с IX по XVIII в. осуществлено в двух нестандартным образом переплетенных моделях изложения материала. С одной стороны, автор в несколько сбивчивой, на наш взгляд, форме стремится показать, как информация об этих текстах сообщалась его предшественниками при выборе данного корпуса текстов. В частности, среди учебной литературы им выбраны

дидактические тексты, написанные М.Н. Тихомировым, а затем в XXI в. А.Г. Голиковым и Т.А. Кругловой. С другой стороны, автор излагает свои собственные суждения о том, к каким из этих источников стоит обратиться в рамках учебного процесса и какими убеждениями при обучении работе с ними должен руководствоваться педагог. Убедительность данных суждений, изложенных в достаточно категоричной форме, вызывает некоторые сомнения по двум причинам. Во-первых, расширение круга иностранных источников в общем курсе по источниковедению истории России вряд ли стоит считать целесообразным в силу вероятности ненужного, на наш взгляд, «перекоса» в данную объектную область. Во-вторых, при согласии с мифологичностью представлений об однозначной русофобской направленности содержания большинства иностранных источников стоит не согласиться с тем, что эти тексты имеют главным образом нарративный характер и не ориентированы на какие-либо интерпретации, поскольку, опять же на наш взгляд, любые авторские записки о каком-либо объекте (даже дневниковые записи) имеют под собой субъективную основу.

Третья и четвертая главы посвящены теме персонализации истории, в том числе в источниках личного происхождения. Поскольку они включены в состав учебного пособия, выбранный Д.М. Володихиным жанр изложения материала в этих структурных частях вызывает сомнения с точки зрения традиционной дидактики. Он представляет собой рассуждение о том, с какой целью в методологическом и практическом отношении стоит больше обращаться к источникам о жизни и деятельности конкретных людей. Свой не вызывающий сомнений вывод автор обосновывает в первую очередь ссылками на работы исследователей, занимавшихся, с одной стороны, вопросами методологии исторического познания и, с другой стороны, биографическим течением в научных исследованиях. Оставляя за рамками, в силу его несоответствия выбранному направлению дидактической рефлексии, вопрос о наличии широкого круга нуждающихся в изучении тем по социальной и институциональной истории, Д.М. Володихин высказывает свою точку зрения по начавшейся на рубеже 1980-х — 1990-х гг., в условиях снижения популярности марксистской методологии, дискуссии о приоритетной ценности для исследователей макро- или микроистории. Поскольку, на наш взгляд, этот вопрос не имеет решения в силу многообразия исторического процесса и зависит от историографических предпочтений конкретных авторов, отстаивание с приведением общеполитических и конкретных фактических примеров приоритетности значения микроисторического познания представляется излишним.

Обращаясь к дополнительным дидактическим материалам в учебном пособии (список рекомендуемой литературы, где преобладает

ют дидактические работы других авторов, прежде всего профессоров и преподавателей исторического факультета МГУ, и контрольные вопросы, которые могут быть представлены в любом учебнике по источниковедению отечественной истории), можно прийти к выводу о том, что их содержание в существенной мере диссонирует с содержанием конкретного рецензируемого текста. С одной стороны, они за исключением первой и отчасти второй главы выходят, в силу своей очевидной связи с многообразием конкретных видов источников не только личного, но и в большой мере официального происхождения, за рамки содержания учебного пособия, что сложно признать методически допустимым. С другой стороны, исходя из содержания этих материалов почти невозможно определить критерии отбора тех источников, которые Д.М. Володихин выбрал для обозрения в написанном им тексте среди всей совокупности документальных памятников и других произведений, отражающих события отечественной истории не только досоветского, но также советского периода. Впрочем, само название учебного пособия и, вероятно, планировавшееся соответствующее ему содержание данного издания не требовало от автора четко артикулированного подхода к отбору тех источников, на которых он сформировал и изложил свои наблюдения.

В целом рецензируемый текст свидетельствует об оригинальном, отличающемся высокой степенью нестандартности подходе автора к восприятию методики преподавания источниковедения. Определив соответствующую сложившейся традиции модель теоретических представлений и остановившись на ней для последующего повествования, Д.М. Володихин далее выбрал для описания и интерпретации наиболее интересную для него как для исследователя проблематику. Высказанные им в наиболее примечательных с точки зрения данного исследовательского подхода третьей и четвертой главах наблюдения и выводы не являются ни спорными, ни, с другой стороны, инновационными, поскольку автор в основной части этих текстов в основном обобщает высказывания других специалистов и дает рекомендательные по стилю предложения исходя из этих суждений. Текст второй главы также главным образом базируется на историографическом подходе к рассматриваемой проблематике, что, собственно, определяет его информационную ценность. Однако оценивать работу Д.М. Володихина в качестве учебного пособия на основании традиционных дидактических критериев крайне сложно, потому что за исключением первой главы оно, формально имея элементы такого рода издания (вопросы для контроля знаний, список рекомендуемой литературы), в реальности не обладает такими качествами, как четкая системность и репрезентативность информационной базы.

Сведения об авторе

Ланской Григорий Николаевич, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета.

Information about the author

Lanskoy Grigoriy Nikolayevich, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Russian State University for the Humanities.